

— На следующий день на работе мы долго соображали, куда же спрятать наш клад. И, наконец, придумали. Павильон, в котором проводились магнитные наблюдения, представлял собой кирпичный куб, а внутри него - куб поменьше, деревянный, обшитый изнутри для светоизоляции плотной чёрной материей. Вот под эту материю на потолке мы и засунули папку с бумагами.

— Вечером мы с нетерпением ждали Раю - какие новости привезёт она из Мамоново? Но новостей оказалось мало. Лужбину она сказала всё так, как мы договорились. Вроде бы ей поверили. "Доктора Живаго" забрали. Подтвердили, что я им известен, причём уже давно, и что впредь ей нужно быть бдительнее, знакомясь с новыми людьми. Пожурили, что сама не сообщила им про нелегальную литературу. Велели впредь сообщать, если что ещё такое появится - это её патриотический долг. И отпустили с Богом.

— Главную же новость принесла Алла Николаевна - ей уже после работы позвонил домой Лужбин и просил передать мне, что я должен явиться к нему завтра в 10 часов утра. И опять собрался совет.

— Как мне вести себя завтра? Главное, что же они могут обо мне знать? Что у них есть ещё кроме "Доктора Живаго"? И как могло попасть к ним? Судили-рядили и так, и эдак. И тут кого-то осенило, Валю, кажется.

— А не Борисенко ли? Помнишь, ты ему "Письмо Раскольникова" читал? Вы тогда ещё про Китай и Чехословакию спорили. Давал ты ему что-нибудь почитать?

— Не помню. Может, и давал. Но если давал, то только Раскольникова.

— А Алевтина? - вспомнил кто-то. - Она же многое брала у Вали почитать. Наверняка давала и Борисенко.

— Неужели он?

— Ну, а кому ещё?

— Да, пожалуй. Вот паразит любознательный. А зачем ему это нужно было? На вид человек порядочный.

— Чёрт его знает. В душу ведь не залезешь.

— Итак, и у нас появилась зацепка. Скорее всего у них есть письмо Раскольникова и, может быть, что-то ещё. Естественно, будут спрашивать - откуда взял и кому давал. Что отвечать?

— Ясно одно. Шибко врать, а потом выкручиваться - бессмысленно, бесполезно и просто опасно. Скорей засыпешься. Говорить нужно, как можно ближе к истине, - рассуждал я. - А истина такова. Литература эта ходит из рук в руки, многое можно купить просто на чёрном рынке. Всё, что у меня есть, попало ко мне за последние года четыре, и я уже сам не помню - откуда что. Я книголюб, литературой интересуюсь давно, собираю библиотеку и не жалею на это денег. Люблю делиться прочитанным с друзьями, люблю читать вслух, даю почитать из своей библиотеки всё и всем, кто попросит. Так и буду говорить. А кто что у меня конкретно брал, я сейчас и в самом деле не помню. Друзей же местных, наверное, прид(тся) перечислить. Как вы считаете?

— Да, конечно, - сказала Валя. Она горячее всех воспринимала случившееся. - Это ведь всё равно легко установить. А литературы запретной у нас никакой нет. То, что брали - думали, легальное. Булгаков, например. И всё сразу обратно отдавали.

— На том и порешили.

— Вторую ночь подряд я спал неважно. Ощущал себя, как бывает перед рыбалкой, от которой ожидаешь чего-то необыкновенного.

— Утром я отправился в Мамоново. Сашенька поехала со мной - для моральной поддержки в случае чего.

— Мамоново - самый западный населённый пункт Советского Союза, городишко чуть побольше Ладушкина. До польской границы от него меньше пяти километров, до Ладушкина - около двадцати. Почему райотдел КГБ находился здесь, а не в районном

центре - Багратионовске, расположенном, кстати, тоже на самой границе, не знаю. Райотдел КГБ размещался в одном здании с мамоновской милицией. Сашенька осталась на улице, а я поднялся на второй этаж дряхлого немецкого двухэтажного особняка. Две маленькие смежные комнаты. В первой, тёмной, вроде предбанника стоял только маленький письменный стол, за которым сидел молодой парень, как оказалось, Щербаков, не проронивший ни слова в течение всей нашей четырёхчасовой беседы с Лужбиным и только что-то всё время записывавший. Во второй комнате, посветлее, имелись стол, пара стульев, сейф и портрет Дзержинского на стене. Из-за стола мне навстречу поднялся пожилой уже, вполне добродушный и простой на вид дядька. Представился: "Лужбин". Как и Щербаков, он был в штатском, но всё знающая Валя говорила, что Щербаков - лейтенант, а Лужбин - майор. Из них двоих, похоже, и состоял весь райотдел КГБ. Лужбин предложил мне сесть и сам уселся за столом напротив.

—- Расскажите о себе, пожалуйста.

—- Я аспирант. Учусь в Ленинградском университете, физик.

—- А сюда как попали? В Ладушкине как оказались?

—- Здесь работает моя жена, у нас квартира в измирановском доме. Я занимаюсь теоретическими исследованиями, так что могу подолгу здесь жить, тем более что на работе жены хорошая научная библиотека по моей специальности.

—- И чем же вы конкретно занимаетесь?

—- Физикой магнитосферы. - Я популярно объяснил, что это такое.

—- Лужбин слушал с интересом.

—- Значит, космос. Это хорошо. А родители Ваши где?

—- В Севастополе, Отец - военно-морской инженер-гидрограф, капитан 1-го ранга. Сейчас он начальник 23-й океанографической экспедиции ВМФ, ходил в Антарктиду в прошлом году. До этого несколько лет служил в Калининграде, потом военным советником в Египте, у Насера. Мать - домохозяйка.

—- Ну, а как Вам здесь у нас в Калининградской области нравится?

—- Очень. Я люблю природу, собирать грибы, рыбачить.

—- На зимнюю рыбалку-то сейчас ходите?

—- Хожу.

—- На судака или на корюшку?

—- На корюшку.

—- Да, зимняя рыбалка - это хорошая вещь. Я, правда, больше любитель охоты. Да сейчас возраст уже не тот. Тяжело стало. И на судака люблю ходить. Вот времени только мало, никак не выбраться.

—- Ну, ладно. А как Вы думаете, зачем мы Вас сюда вызвали, не догадываетесь?

—- Знаю только, что Вы просто так не вызываете.

—- Ну и что, чувствуете за собой какие-нибудь грешки, или как?

—- Хорош вопрос. Я задумался, но долго молчать не следовало - должен же я был, в самом деле, подумать дома, зачем это меня в КГБ вызывают. Надо было что-то говорить. И меня понесло по наитию.

—- Я, конечно, дома думал, что бы этот вызов означал. Наверняка не знаю, но могу предположить, что это следствие одного разговора.

—- Какого?

—- Да прошлым летом ещё. Я был в гостях в одной компании вместе с Борисенко. Вы, наверное, его знаете - второй секретарь Багратионовского райкома партии. Мы тогда выпили изрядно и довольно горячо спорили о политике. Может, это стало известно Вам?

—- И о чём же Вы с ним спорили?

—- Да обо всём понемногу. О Китае, о Чехословакии.

—- Ну и в чём Вы с ним не сошлись по поводу Чехословакии?

—- Говорили о возможности ввода наших войск в Чехословакию. Борисенко утверждал, что наши не собираются вводить войска, что всё это ложь западных радиостанций. Ну, а

войска-то мимо нашего дома шли.

___ - А часто Вы западные радиостанции слушаете?

___ - Иногда слушаю.

___ - И как Вам нравятся их передачи?

___ Я пожал плечами.

___ - Часто они говорят много интересного.

___ - Ну, а как Вы сами относитесь к вводу наших войск в Чехословакию?

___ - Мне кажется, что в этом не было необходимости.

___ - Что же, Вы считаете, что там всё было нормально?

___ - Да ничего страшного, по-моему.

___ - И в том, что по улицам ходили с плакатами "Долой коммунистов!""? Как бы Вам понравилось, если бы у нас по улицам ходили с плакатами "Долой Брежнева!""?

___ - Да пусть кричат, что угодно. Народу надо давать высказать своё недовольство, если оно у него есть. Знаете, кажется, в Японии на некоторых предприятиях у проходной ставят чучело директора. Каждый недовольный может огреть его кулаком или там плюнуть в него. Так они "спускают пары" и тем самым предупреждают, хотя бы частично, забастовки.

___ - Но ведь если бы не мы, в Чехословакию ввели бы свои войска государства НАТО, ФРГ прежде всего.

___ - Не думаю, чтобы они такие дураки были. Зачем им лезть в коридор между соцстранами, в мешок? В такие мешки ещё в старину Александр Невский, кажется, тех же немцев специально заманивал.

___ - Но ведь в Чехословакии была прямая угроза социализму. Вы что - против социализма?

___ - Почему же? Я за свободу слова при социализме. Чехи, по-моему, к этому и стремились.

___ - А всякая ли свобода слова нужна? Что же, и враждебная пропаганда допустима?

___ - На всякую пропаганду должна быть контрпропаганда, это и есть идеологическая борьба, а при чём здесь оружие? Это же признание идеологической слабости. А без свободы высказывания любых мнений никакого развитие невозможно, государство костенеет от этого. Возьмите Китай, например. Кто против учения Мао - тот враг. А Мао - Бог, что ли?

___ Спокойная манера разговаривать у Лужбина явно располагала к нему. Я беседовал с ним как с каким-нибудь просто знакомым. Волнение моё понемногу улеглось, исчезла скованность. Вот уж не ожидал, что буду так запросто дискутировать с представителем органов госбезопасности. Но ведь в самом деле, не сталинские же времена теперь, слава Богу.

___ - Ну, а о чём Вы ещё с Борисенко разговаривали?

___ - Кажется, я читал ему "Письмо Раскольникова Сталину".

___ Мне показалось, что Лужбин оживился при этих моих словах.

___ - Раскольникова? Это кто такой?

___ - Ну, как же! Фёдор Ф(дорович Раскольников, герой гражданской войны, командир Волжской флотилии, потом нарком флота, посол Советского Союза во Франции. Его жена - Лариса Рейснер - прототип комиссара в "Оптимистической трагедии" Вишневского.

___ - Ах, да, да. Помню. Действительно, был достойный человек. И что же он пишет?

___ - Обвиняет Сталина во всех его преступлениях.

___ Тут Лужбин приоткрыл одну из папок, лежавших у него на столе, и вынул оттуда ... "Письмо Раскольникова Сталину", отпечатанное на машинке.

___ - Не это ли письмо?

___ - Оно самое. - Я даже не попытался изобразить удивление.

___ - Это Ваш экземпляр?

___ - Похож на мой, но точно не могу сказать. Может, перепечатка.

— А Вы давали его Борисенко?
— Не помню. Может, и давал. А откуда оно у Вас? Борисенко сам принёс?
— Да нет. Просто захожу я как-то к нему в кабинет. Гляжу, читает что-то, на машинке напечатанное. Что, говорю, читаешь? Он мне и показал. А я попросил мне отдать. Это ещё осенью было. Я уже тогда хотел с Вами познакомиться, да заболел, потом некогда было. А вот теперь Вы скажите, откуда у Вас это письмо появилось?
— Да это было давно, в Ленинграде. Кто-то из студентов принёс в университет, ходило по рукам, я перепечатал для себя на машинке один экземпляр.
— А Вы уверены, что это не фальшивка? Может, Раскольников ничего такого не писал? Откуда Вы знаете, что это его письмо?
— У меня есть книга воспоминаний Раскольникова "На боевых постах", изданная недавно Воениздатом в серии "Военные мемуары". Так в предисловии к этой книге говорится о письме Раскольникова Сталину, написанном им незадолго до смерти, и кратко излагается содержание этого письма. С этим изложением мой экземпляр согласуется.
— А что у Вас ещё из произведений такого рода имеется?
— Какого рода?
— Не опубликованных официально, распространяемых "самиздатом".
— Я почувствовал, что наступают ответственные минуты - ради этого вопроса меня, наверное, в первую очередь, и пригласили сюда. Задумался.
— Вообще-то есть такие. Вы знаете, я книголюб, очень интересуюсь литературой, собираю библиотеку. Сейчас, например, очень популярен Булгаков, особенно после выхода "Мастера и Маргариты". Мне он очень нравится. Так вот, многие его ранние вещи, изданные у нас в 20-х годах, продают на чёрном рынке в виде фотокопий со старых изданий. Кое-что из этого есть у меня. "Дьяволиада", например, "Роковые яйца".
— (Мы-то с Димой копировали сами на кафедре с экземпляров, взятых в Горьковке.)
— И почём продают?
— По 5-10 рублей, бывает, и дороже.
— И Вы покупаете?
— А что делать? Государство не переиздаёт, а спекулянты наживаются.
— Да, плохо ещё мы с этим боремся. Ну, а что ещё у Вас есть, кроме Булгакова?
— Солженицын. "Крестный ход на пасхе". Письмо съезду писателей.
— Вам нравится Солженицын?
— А что именно?
— Ну, вот, он про лагерь писал.
— "Один день Ивана Денисовича"? С литературной точки зрения - не очень, но интересно, конечно.
— Ещё что?
— Я подумал немного и выдал:
— "Доктор Живаго" Пастернака.
— Лужбин, по-моему, очень обрадовался. Он полез в ящик стола и вытащил оттуда ... , сами понимаете, "Доктора Живаго" - мой экземпляр, на фотобумаге.
— Узнаёте?
— Да, - как бы с удивлением ответил я.
— Тоже на чёрном рынке покупали?
— Да. (Конечно, нет.)
— И почём?
— 15 рублей.
— Ого. И не жалко денег?
— Нет.
— (Странно, что он не спросил, откуда у меня такие деньги при моей стипендии. Впрочем, от родителей могут быть. Цены же я называл реалистичные. За "Мастера и Маргариту" - журнальный вариант, по столько драли. "Живаго", наверное, стоил

подороже, да только вряд ли его стали бы продавать первому встречному, как это почти открыто делают спекулянты с легальными изданиями.)

___- И кому давали почитать?

___- Рае Одушевой.

___- А ещё кому?

___- Да не помню.

___- Как это не помните?

___- Да кто из знакомых попросит - тому и даю.

___- А кто именно просил?

___- Конкретно "Доктора Живаго"? В самом деле не помню сейчас. У меня всё время книги берут. Потом я в компаниях люблю вслух читать. Пушкина, например, Булгакова, Зощенко, Платонова, Бабея. Если кому что понравится - предлагаю домой взять почитать.

___- Ну, а кто из Ваших знакомых ещё литературой интересуется?

___- Да все научные сотрудники и инженеры станции.

___- А кто именно?

___- Я всех и назвал.

___- Ну, ладно. Засиделись мы с Вами. Договоримся так. Сегодня четверг, а в понедельник Вы ещё разок приедете к нам и привезёте всё самиздатовское, что у Вас есть. Всё, - подчеркнул Лужбин. - Договорились?

___- Хорошо.

___- Да, и привезите мне, пожалуйста, воспоминания Раскольников почитать. Очень люблю военные мемуары.

___- Ладно. До свидания.

___- Всего хорошего.

([продолжение следует](#))